

DOI: 10.25629/НС.2026.09.14

УДК: 316.6:159.9

БАК: 5.3.5. Социальная психология, политическая и экономическая психология

Кузнецова Екатерина Анатольевна, Пензенский государственный университет; katrin-58@yandex.ru**Константинов Всеволод Валентинович**, доктор психологических наук, профессор, Пензенский государственный университет

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ЗАНЯТОСТЬ И ГРУППОВАЯ АКТИВНОСТЬ КАК СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ИНТЕГРАЦИИ ВЕТЕРАНОВ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ В МИРНОЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО

Аннотация

В статье представлены результаты исходного поперечного этапа эмпирического исследования связи профессиональной занятости и регулярной групповой активности с интеграцией ветеранов боевых действий в мирную социальную среду. Цель состояла в выявлении различий социального и ролевого функционирования, социально-психологической адаптированности, воспринимаемой поддержки, посттравматических проявлений и базисных убеждений у ветеранов с различным профессиональным статусом и уровнем групповой включённости. Выборку составили 210 мужчин 25–48 лет, проживавших в гражданской среде 6–24 месяца после возвращения. Использовались опросник качества жизни Short Form Health Survey (SF-36), методика социально-психологической адаптации К. Роджерса и Р. Даймонда, опросник способов совладания, шкала общей самооффективности, Многомерная шкала воспринимаемой социальной поддержки, многоуровневый личностный опросник «Адаптивность», Миссисипская шкала посттравматического стрессового расстройства, Шкала базисных убеждений и показатели идентичности и ресурсной обеспеченности. Статистическая обработка включала непараметрические межгрупповые сравнения с коррекцией Холма, оценку размеров эффекта, исследовательский факторный анализ с параллельным анализом и регрессию с робастными стандартными ошибками НСЗ. Трудоустроенные ветераны имели более благоприятный профиль функционирования, а проходившие переподготовку занимали промежуточное положение. Регулярная групповая активность была связана с более высоким функционированием и поддержкой. После учёта двух латентных ресурсных компонентов трудоустройство и групповая активность сохраняли самостоятельные положительные связи с социальным функционированием. Полученные ассоциации не доказывают причинного влияния.

Ключевые слова

ветераны боевых действий, интеграция, социальное функционирование, занятость, профессиональная переподготовка, групповая активность, социальная поддержка, посттравматические проявления

Kuznetsova E.A., Penza State University; katrin-58@yandex.ru**Konstantinov V.V.**, Doctor of Psychology, Professor, Penza State University

PROFESSIONAL EMPLOYMENT AND GROUP ACTIVITY AS SOCIO-PSYCHOLOGICAL FACTORS IN THE INTEGRATION OF COMBAT VETERANS INTO THE CIVILIAN SOCIOCULTURAL ENVIRONMENT

Abstract

The article reports the baseline cross-sectional stage of an empirical study examining the associations of employment and regular group activity with combat veterans' integration into civilian social life. The study aimed to identify differences in social and role functioning, psychosocial adaptation, perceived support, post-traumatic symptoms, and basic beliefs among veterans with different employment statuses and levels of group involvement. The sample comprised 210 men aged 25–48 who had lived in civilian settings for 6–24 months after returning. The instruments included the Short Form Health Survey (SF-36), the Rogers–Dymond Social-Psychological Adaptation Scale, the Ways of Coping Questionnaire, the General Self-Efficacy Scale, the Multidimensional Scale of Perceived Social Support, the Multilevel Personality Inventory Adaptability, the Mississippi Scale for Combat-Related Posttraumatic Stress Disorder, the World Assumptions Scale, and identity and resource indicators. Statistical procedures included nonparametric group comparisons with Holm correction, effect-size estimation, exploratory factor analysis supported by parallel analysis, and regression with HC3 heteroscedasticity-consistent standard errors. Employed veterans demonstrated a more favorable functioning profile, whereas those undergoing vocational retraining occupied an intermediate position. Regular group activity was associated with higher functioning and perceived support. After two latent resource components were taken into account, employment and regular group activity retained independent positive associations with social functioning. These cross-sectional findings do not establish causal effects, but they identify professional participation and sustained group involvement as meaningful contextual correlates of civilian integration.

Keywords

combat veterans, integration, social functioning, employment, vocational retraining, group activity, social support, post-traumatic symptoms

Введение

Возвращение ветеранов боевых действий к мирной жизни связано не только с уменьшением психологического неблагополучия, но и с восстановлением повседневного социального участия: выполнением семейных и профессиональных обязанностей, поддержанием отношений, включением в деятельность групп и сообществ, обращением за необходимой помощью и формированием жизненной перспективы. Поэтому интеграцию целесообразно рассматривать как многомерный военно-гражданский переход, включающий социальное и ролевое функционирование, адаптированность и фактически выполняемые мирные роли, а не как один формальный показатель занятости или отсутствия симптомов (Elnitsky et al., 2017; Sayer et al., 2010).

Профессиональная занятость обеспечивает материальную устойчивость, режим повседневной жизни, регулярные контакты, признание компетентности и переживание собственной полезности. Обзор профессионально ориентированных интервенций показывает связь трудовой

включённости с благополучием ветеранов, однако направление этой связи может быть взаимным: более благоприятное состояние облегчает трудоустройство, а занятость поддерживает социальное функционирование (Hutcheon et al., 2025). Российские исследования также фиксируют сочетание психоземotionalных, семейных, профессиональных и институциональных трудностей военно-гражданского перехода (Проценко & Цаплин, 2024; Горностаев & Журавлёв, 2025; Караяни & Проценко, 2026).

Сходное значение имеет участие в устойчивых групповых практиках. Ветеранские объединения, группы взаимопомощи, спортивные, образовательные, культурные и добровольческие сообщества могут восстанавливать чувство принадлежности, расширять доступ к поддержке и создавать значимые мирные роли (Drebing et al., 2018; Mercier et al., 2023; Steffens et al., 2021). Вместе с тем сам факт посещения мероприятий не гарантирует интегративного результата. Значение имеют регулярность, добровольность, психологическая безопасность, наличие реальной функции участника и связь группы с более широкой гражданской средой. Поперечные различия также не исключают самоотбор: более адаптированные ветераны могут чаще включаться в совместную деятельность (Flack & Kite, 2021; Grimell, 2024).

Психологическое состояние и социальное участие образуют взаимосвязанную систему. Эмоциональное напряжение, посттравматические проявления и избегание способны ограничивать занятость, отношения и обращение за помощью; одновременно изоляция, профессиональная неопределённость и повторяющийся негативный социальный опыт могут усиливать неблагополучие (Белашева, Ермаков, 2024; Лазебная & Зелёнова, 1999). Социальная поддержка может выполнять буферную функцию, однако её эффект зависит не только от наличия контактов, но и от субъективной доступности и соответствия помощи актуальным потребностям (Cohen & Wills, 1985).

Цель исследования – определить, как профессиональный статус и регулярная групповая активность связаны с социальным функционированием, адаптированностью, воспринимаемой социальной поддержкой, посттравматическими проявлениями и базисными убеждениями ветеранов боевых действий. Предполагалось, что трудоустроенные участники и ветераны, регулярно включённые в групповую деятельность, будут характеризоваться более благоприятным профилем функционирования; при этом занятость и групповая активность сохраняют положительные частные связи с социальным функционированием после учёта личностно-регуляторных и социально-поддерживающих ресурсов. Научная новизна состоит в совместной оценке двух практически наблюдаемых форм мирного участия и их места в многофакторной модели социального функционирования. Практическая значимость связана с уточнением направлений работы служб занятости, ветеранских объединений, психологов, социальных координаторов и образовательных организаций.

Методы

Материал статьи относится к исходному поперечному этапу более широкого исследования и был собран в сентябре–ноябре 2025 года. Организационной площадкой выступил Музей специальной военной операции государственного автономного профессионального образовательного учреждения Пензенской области «Пензенский колледж транспортных технологий». Набор проводился при содействии ветеранских объединений и социальных координаторов. Из 238 потенциальных участников 12 не были включены до обследования, 226 начали заполнение диагностического комплекта; 16 протоколов были исключены до формирования итогового массива из-за существенных пропусков, логической несогласованности, отзыва согласия или невозможности продолжить участие. Итоговую выборку составили 210 ветеранов.

Критериями включения являлись мужской пол, возраст 25–49 лет, подтверждённый статус ветерана боевых действий и опыт участия в специальной военной операции, проживание в гражданской среде от 6 до 24 месяцев, способность понимать инструкции и самостоятельно

заполнить пакет методик, а также добровольное информированное согласие. Исключались лица, непосредственно вовлечённые в боевые действия на момент набора, участники со сроком после возвращения менее 6 или более 24 месяцев и лица, состояние которых препятствовало безопасному самостоятельному обследованию. Участие было добровольным; персональные сведения не включались в аналитический массив, каждому протоколу присваивался код, а кодировочная таблица хранилась отдельно.

Выборку составили 210 мужчин 25-48 лет. Средний возраст равнялся $35,97 \pm 5,42$ года, средний срок проживания в гражданской среде после возвращения – $14,85 \pm 4,09$ месяца. Профессиональный статус фиксировался на момент обследования в трёх взаимоисключающих категориях аналитического массива: трудоустроен, проходит профессиональную переподготовку или обучение, ищет работу. Регулярной групповой активностью считалось участие не реже двух раз в месяц в деятельности ветеранских, спортивных, образовательных, культурных, добровольческих или иных сообществ. Такая активность была отмечена у 112 участников, у 98 отсутствовала.

Социальное и ролевое функционирование оценивалось русскоязычной версией опросника Short Form Health Survey (SF-36); основным результативным показателем являлась шкала социального функционирования, дополнительным – ролевое функционирование, обусловленное эмоциональным состоянием (Ware & Sherbourne, 1992). Социально-психологическая адаптированность и эмоциональный комфорт определялись по методике К. Роджерса и Р. Даймонда (Rogers & Dymond, 1954). Стратегия бегства-избегания оценивалась опросником способов совладания WCQ в русскоязычной адаптации Т.Л. Крюковой и Е.В. Куфтык (Крюкова & Куфтык, 2007).

Общая самооффективность измерялась русскоязычной версией General Self-Efficacy Scale (Шварцер и др., 1996). Воспринимаемая поддержка семьи, друзей и значимого окружения оценивалась Многомерной шкалой воспринимаемой социальной поддержки MSPSS (Корытова, 2007; Zimet et al., 1988). Личностный адаптационный потенциал определялся многоуровневым личностным опросником «Адаптивность» (Маклаков & Чермянин, 2001). Для оценки выраженности посттравматических проявлений использовалась Миссисипская шкала, военный вариант; её балл рассматривался как исследовательский показатель, а не клинический диагноз (Тарабрина, 2001). Когнитивно-смысловой компонент оценивался общим показателем Шкалы базисных убеждений (Падун & Котельникова, 2008).

Широта мирной идентичности определялась методом контент-анализа самоописаний по методике «Кто Я?» и отражала представленность семейных, профессиональных, образовательных, общественных, гражданских и перспективных самоопределений (Kuhn & McPartland, 1954). Семейно-коммуникативная поддержка, групповая включённость, профессионально-жизненная перспектива и институциональная доступность помощи фиксировались отдельными блоками авторской интеграционно-ресурсной карты. Общий балл карты не использовался как критерий успешности интеграции или зависимая переменная.

Количественные показатели описывались средними значениями, стандартными отклонениями, медианами и межквартильными интервалами. Нормальность распределений проверялась критерием Шапиро–Уилка. Для сопоставления трёх профессиональных групп применялся критерий Краскела–Уоллиса с последующими попарными сравнениями U-критерием Манна–Уитни и коррекцией Холма. Две группы по признаку регулярной активности сравнивались U-критерием Манна–Уитни; величина различий оценивалась рангово-бисериальным коэффициентом r_{rb} . Единичные пропуски проверялись по правилам соответствующих методик; произвольная импутация не применялась.

Для уменьшения мультиколлинеарности взаимосвязанных психологических показателей был проведён исследовательский факторный анализ 11 переменных: эмоционального комфорта, бегства-избегания, общей самооффективности, воспринимаемой поддержки, адаптационного потенциала, посттравматических проявлений, базисных убеждений, широты мирной идентичности, семейно-коммуникативной поддержки, групповой включённости и профессио-

нально-жизненной перспективы. Пригодность матрицы оценивалась индексом КМО и критерием Бартлетта; факторы извлекались методом главных осей с косоугольным вращением *oblimin*. Число факторов определялось параллельным анализом на 10 000 случайных матрицах. Индивидуальные факторные оценки рассчитывались регрессионным методом.

Зависимой переменной итоговой линейной регрессии выступало социальное функционирование SF-36. В модель включались возраст, срок после возвращения, две факторные оценки ресурсов, институциональная доступность помощи, трудоустройство, переподготовка, регулярная групповая активность, ограничения здоровья, наличие постоянного партнёра и проживание в городе. Предикторы стандартизовались; для коэффициентов использовались робастные стандартные ошибки типа HC3 (Long & Ervin, 2000), мультиколлинеарность контролировалась коэффициентом инфляции дисперсии VIF. Все проверки были двусторонними, уровень значимости – $p < 0,05$. Поперечный дизайн позволяет устанавливать ассоциации, но не подтверждает причинное влияние занятости или групповой активности.

Обсуждение

Общая характеристика выборки представлена в табл. 1. Более двух третей участников были включены в работу или переподготовку, однако почти каждый четвёртый продолжал поиск занятости. Доли ветеранов с регулярной групповой активностью и без неё были сопоставимы, что обеспечило приемлемый баланс численности для межгруппового анализа.

Таблица 1 – Социально-демографическая характеристика выборки (составлена авторами)

Характеристика	п / значение	% / диапазон
Общая численность	210 мужчин	100,0 %
Возраст, М ± SD	35,97 ± 5,42 года	25–48 лет
Срок после возвращения, М ± SD	14,85 ± 4,09 месяца	6–24 месяца
Имеет постоянного партнёра	128	61,0 %
Трудоустроен	123	58,6 %
Проходит переподготовку	38	18,1 %
Ищет работу	49	23,3 %
Регулярная групповая активность	112	53,3 %
Имеет ограничения здоровья	70	33,3 %
Проживает в городе	158	75,2 %

Примечание. М – среднее значение; SD – стандартное отклонение. Таблица составлена авторами по данным исследования.

Профессиональный статус сопровождался статистически значимыми различиями по всем анализируемым показателям (табл. 2). Для согласования формы представления с непараметрическим анализом в таблице приведены медианы и квартильные интервалы; в тексте дополнительно используются средние значения для характеристики масштаба шкал.

Среднее социальное функционирование составило 75,93 балла у трудоустроенных, 57,71 балла у проходивших переподготовку и 42,07 балла у ищущих работу. Аналогичная последовательность наблюдалась по ролевому эмоциональному функционированию и адаптированности. Воспринимаемая поддержка была наиболее высокой у трудоустроенных и наиболее низкой у ищущих работу. Посттравматические проявления имели обратный профиль: 78,69; 92,16 и 108,67 балла соответственно. Базисные убеждения также были более благоприятными при устойчивой занятости.

Таблица 2 – Показатели участников с различным профессиональным статусом (составлена авторами)

Показатель	Трудоустроен Me [Q1; Q3]	Переподготовка Me [Q1; Q3]	Ищет работу Me [Q1; Q3]	H; p
SF-36: социальное функционирование	77,20 [63,45; 88,55]	55,05 [45,85; 71,23]	38,60 [29,20; 58,90]	76,25; < 0,001
SF-36: ролевое эмоциональное	64,10 [53,70; 75,95]	47,40 [41,73; 54,90]	34,50 [26,90; 53,70]	59,32; < 0,001
Адаптированность	71,10 [59,15; 81,85]	54,05 [46,05; 63,13]	40,90 [27,90; 48,20]	82,03; < 0,001
MSPSS: общий показатель	5,03 [4,42; 5,56]	4,63 [4,00; 4,99]	4,30 [3,65; 4,90]	26,89; < 0,001
Посттравматические проявления	79,00 [65,00; 91,00]	94,00 [84,00; 106,75]	111,00 [101,00; 120,00]	62,02; < 0,001
Базисные убеждения	4,08 [3,76; 4,30]	3,70 [3,44; 3,86]	3,26 [3,00; 3,69]	73,56; < 0,001

Примечание. Me – медиана; Q1 и Q3 – первый и третий квартили; H – критерий Краскела–Уоллиса; MSPSS – Многомерная шкала воспринимаемой социальной поддержки.

Омнибусный критерий Краскела–Уоллиса не указывает, между какими именно категориями существуют различия, поэтому анализ был дополнен попарными сравнениями. Для социального функционирования и посттравматических проявлений статистически значимыми после коррекции Холма оказались все три сопоставления (табл. 3).

Таблица 3 – Попарные сравнения профессиональных статусов (составлена авторами)

Показатель	Группа 1	Группа 2	U	p Холма
SF-36: социальное функционирование	Трудоустроен	Переподготовка	3584,5	< 0,001
SF-36: социальное функционирование	Трудоустроен	Ищет работу	5377,0	< 0,001
SF-36: социальное функционирование	Переподготовка	Ищет работу	1340,5	< 0,001
Посттравматические проявления	Трудоустроен	Переподготовка	1392,5	< 0,001
Посттравматические проявления	Трудоустроен	Ищет работу	806,0	< 0,001
Посттравматические проявления	Переподготовка	Ищет работу	510,5	< 0,001

Примечание. U – критерий Манна–Уитни; p скорректированы методом Холма.

Группа переподготовки занимала устойчивое промежуточное положение. Обучение уже отражает включение в целенаправленную деятельность и наличие профессиональной перспективы, но ещё не обеспечивает полного восстановления трудовой роли. На данном этапе сохраняются неопределённость результата, нагрузка освоения новой квалификации и риск разрыва между завершением обучения и фактическим трудоустройством. Полученные различия согласуются с представлением о занятости как о многокомпонентном ресурсе военно-гражданского перехода, однако не исключают обратного направления связи: выраженные посттравматические проявления и ограничения функционирования способны затруднять получение и сохранение работы (Hutcheon et al., 2025).

Регулярная групповая активность также была сопряжена с выраженными различиями (табл. 4). При её наличии среднее социальное функционирование составляло 77,07 балла, при отсутствии – 50,63 балла. Адаптированность, эмоциональный комфорт, воспринимаемая поддержка и базисные убеждения были выше в группе активности; избегание и посттравматические проявления – ниже.

Таблица 4 – Сравнение показателей при разной групповой активности (составлена авторами)

Показатель	Регулярная активность Me [Q1; Q3]	Нет активности Me [Q1; Q3]	U; p; r _{rb}
SF-36: социальное функционирование	77,80 [64,90; 92,03]	49,50 [35,80; 66,15]	9137,0; < 0,001; 0,665
SF-36: ролевое эмоциональное	63,85 [52,88; 77,35]	46,30 [33,60; 60,78]	8339,5; < 0,001; 0,520
Адаптированность	72,05 [61,80; 83,18]	47,35 [36,30; 59,78]	9161,0; < 0,001; 0,669
Эмоциональный комфорт	61,50 [48,05; 74,40]	45,10 [31,83; 59,20]	8173,0; < 0,001; 0,489
MSPSS: общий показатель	5,25 [4,84; 5,74]	4,27 [3,73; 4,67]	9447,5; < 0,001; 0,721
Бегство-избегание	55,30 [41,28; 65,80]	66,00 [57,43; 81,05]	3200,0; < 0,001; –0,417
Посттравматические проявления	79,00 [64,00; 90,25]	99,00 [86,25; 114,00]	2693,5; < 0,001; –0,509
Базисные убеждения	4,04 [3,73; 4,32]	3,61 [3,26; 3,94]	8330,0; < 0,001; 0,518

Примечание. Me – медиана; Q1 и Q3 – квартили; U – критерий Манна–Уитни; r_{rb} – рангово-бисериальный коэффициент.

Наиболее крупное различие выявлено по воспринимаемой поддержке: r_{rb} = 0,721. Это указывает, что регулярное участие в совместной деятельности тесно связано с субъективной доступностью эмоциональной, информационной и практической помощи. Группа может возвращать чувство принадлежности и полезности, но положительный эффект зависит от качества взаимодействия. Формальное посещение памятных или массовых мероприятий не тождественно устойчивой включённости. Наиболее перспективны добровольные форматы, в которых участник получает реальную функцию, участвует в принятии решений и сохраняет связь с гражданскими ролями (Demers, 2011; Drebing et al., 2018; Mercier et al., 2023).

Высокие межгрупповые эффекты не доказывают причинности. Участники с более высоким эмоциональным комфортом и меньшим избеганием могут быть изначально более готовы к регулярному взаимодействию. Одновременно качественно организованная группа способна укреплять поддержку, расширять контакты и содействовать освоению мирных ролей. Поэтому обнаруженная связь рассматривается как двунаправленная и требующая проверки в продольных и контролируемых дизайнах.

Факторный анализ был проведён для перехода от множества тесно связанных показателей к воспроизводимым латентным компонентам. Корреляционная матрица была пригодна для факторизации: КМО = 0,945; критерий Бартлетта $\chi^2(55) = 2235,69$, $p < 0,001$. Параллельный анализ подтвердил сохранение двух факторов. Они объясняли 75,94 % дисперсии; корреляция факторных оценок равнялась $r = 0,563$. Матрица нагрузок представлена в табл. 5.

Первый фактор объединил эмоциональный комфорт, самоэффективность, адаптационный потенциал, благоприятные базисные убеждения, широту мирной идентичности и профессионально-жизненную перспективу при противоположной направленности избегания и посттравматических проявлений. Он интерпретирован как личностно-регуляторный ресурс. Вторым фактор включил воспринимаемую поддержку, семейно-коммуникативную опору и групповую включённость и был обозначен как социально-поддерживающий ресурс. Полученное решение показывает, что личностные и социальные ресурсы содержательно различаются, но образуют взаимосвязанную систему.

Таблица 5 – Матрица нагрузок двухфакторного решения (составлена авторами)

Переменная	Фактор 1	Фактор 2	h ²
Эмоциональный комфорт	0,889	0,041	0,830
Бегство-избегание	–0,845	–0,019	0,731
Общая самоэффективность	0,859	0,001	0,738
Воспринимаемая поддержка	0,147	0,821	0,824
Личностный адаптационный потенциал	0,900	–0,048	0,767
Посттравматические проявления	–0,791	–0,118	0,738
Базисные убеждения	0,937	0,008	0,885
Широта мирной идентичности	0,531	0,313	0,556
Семейно-коммуникативная поддержка	–0,081	0,875	0,697
Групповая включённость	–0,011	0,893	0,787
Профессионально-жизненная перспектива	0,944	–0,100	0,801

Примечание. Метод главных осей, вращение oblimin; приведена матрица паттерна. Фактор 1 – личностно-регуляторный ресурс; фактор 2 – социально-поддерживающий ресурс; h² – общность переменной.

Итоговая модель социального функционирования объясняла 83,2 % дисперсии, скорректированный R² составил 0,823; F(НСЗ) = 87,82, p < 0,001. Максимальный VIF равнялся 2,72, что не указывало на выраженную мультиколлинеарность. Полные стандартизованные коэффициенты представлены в табл. 6.

Таблица 6 – Уточнённая регрессионная модель социального функционирования (составлена авторами)

Предиктор	β	SE НСЗ	95 % ДИ	p	VIF
Возраст	–0,010	0,033	[–0,073; 0,054]	0,769	1,20
Срок после возвращения	0,009	0,029	[–0,047; 0,065]	0,753	1,05
Личностно-регуляторный ресурс	0,621	0,052	[0,519; 0,723]	< 0,001	2,41
Социально-поддерживающий ресурс	0,223	0,049	[0,127; 0,319]	< 0,001	2,72
Институциональная доступность помощи	0,012	0,033	[–0,053; 0,078]	0,717	1,10
Трудоустроен	0,120	0,050	[0,022; 0,218]	0,016	2,61
Проходит переподготовку	0,018	0,042	[–0,063; 0,100]	0,659	1,76
Регулярная групповая активность	0,103	0,045	[0,016; 0,191]	0,021	1,91
Ограничения здоровья	–0,050	0,036	[–0,121; 0,021]	0,165	1,22
Наличие постоянного партнёра	–0,012	0,037	[–0,085; 0,061]	0,744	1,40
Проживание в городе	–0,041	0,029	[–0,099; 0,016]	0,160	1,04

Примечание. n = 210; зависимая переменная – социальное функционирование SF-36. Референтная категория профессионального статуса – «ищет работу». Для бинарных переменных 1 означает наличие признака. β – стандартизованный коэффициент; SE НСЗ – робастная стандартная ошибка; ДИ – доверительный интервал; VIF – коэффициент инфляции дисперсии.

Наиболее выраженную частную связь сохранял личностно-регуляторный ресурс: $\beta = 0,621$, p < 0,001. Социально-поддерживающий ресурс также был значим: $\beta = 0,223$, p < 0,001. После их учёта трудоустройство сохраняло положительную связь с социальным функционированием

($\beta = 0,120$, $p = 0,016$), как и регулярная групповая активность ($\beta = 0,103$, $p = 0,021$). Переподготовка самостоятельной статистической значимости не имела, что не обесценивает обучение, а показывает зависимость его практического результата от перехода к реальной занятости, качества поддержки и индивидуального ресурсного профиля.

Высокая доля объяснённой дисперсии требует осторожной интерпретации, поскольку часть конструкторов содержательно близка общему психологическому и социальному благополучию. Анализ чувствительности подтвердил устойчивость основных выводов. При расчёте факторных оценок методом Бартлетта R^2 также составил 0,832, а значимыми оставались оба ресурсных компонента, трудоустройство и групповая активность. Модель отдельных наблюдаемых показателей объясняла 80,8 % дисперсии при максимальном VIF = 3,70; значимыми были эмоциональный комфорт, самооффективность, воспринимаемая поддержка, посттравматические проявления, широта мирной идентичности, трудоустройство и групповая активность.

Полученная модель подтверждает, что профессиональная и групповая включённость не заменяют личностные и межличностные ресурсы, но сохраняют собственное значение. Для ветеранов, находящихся в поиске работы, необходимы не только подбор вакансий и переподготовка, но и снижение избегания, укрепление уверенности в собственных действиях, перевод военного опыта на язык гражданских компетенций и сопровождение первого контакта с работодателем. Для проходящих обучение критическим этапом является переход от освоения квалификации к устойчивой трудовой роли.

В сфере групповой включённости приоритет следует отдавать регулярным малым форматам с реальной ответственностью и совместной целью. Оценивать целесообразно не число проведённых мероприятий, а устойчивость участия, появление новых социальных контактов, выполнение конкретных функций и расширение активности за пределами ветеранского сообщества. При выраженных посттравматических проявлениях, эмоциональном неблагополучии и высокой склонности к избеганию интенсивность вовлечения должна согласовываться с актуальным состоянием; социальная активизация не заменяет специализированную медицинскую и психологическую помощь.

Заключение

Цель исследования достигнута: установлены различия показателей интеграции ветеранов в зависимости от профессионального статуса и регулярной групповой активности, а также определено их место в модели социального функционирования с учётом латентных личностно-регуляторных и социально-поддерживающих ресурсов.

Трудоустроенные участники характеризовались более высоким социальным и ролевым функционированием, адаптированностью, воспринимаемой поддержкой и более благоприятными базисными убеждениями, а также меньшей выраженностью посттравматических проявлений. Ветераны, проходившие переподготовку, занимали промежуточное положение между трудоустроенными и находившимися в поиске работы. Регулярная групповая активность была сопряжена с более благоприятным профилем социального функционирования, эмоционального комфорта, адаптированности и поддержки; наиболее выраженное различие выявлено по воспринимаемой социальной поддержке.

Факторный анализ подтвердил двухкомпонентную структуру ресурсов. Личностно-регуляторный компонент объединял эмоциональный комфорт, самооффективность, адаптационный потенциал, базисные убеждения, широту мирной идентичности и профессионально-жизненную перспективу при противоположной направленности избегания и посттравматических проявлений. Социально-поддерживающий компонент включал воспринимаемую, семейно-коммуникативную и групповую поддержку. После учёта обоих компонентов трудоустройство и регулярная групповая активность сохраняли самостоятельные положительные связи с социальным функционированием.

Практически результаты могут использоваться психологами, социальными координаторами, службами занятости, организациями профессиональной переподготовки, образовательными учреждениями и ветеранскими объединениями. Приоритетными направлениями являются сопровождение перехода от обучения к трудоустройству, перевод военных навыков в гражданские компетенции, развитие регулярных групповых форматов с реальными ролями участников и согласование социальной активности с актуальным психологическим состоянием.

Ограничения связаны с региональным и целевым способом формирования выборки, включением только мужчин 25–48 лет, использованием преимущественно самоотчётных показателей, бинарной фиксацией регулярной активности и поперечным дизайном. Полученные результаты нельзя автоматически переносить на женщин-ветеранов и другие возрастные или региональные группы, что согласуется с необходимостью учитывать гендерную неоднородность военно-гражданского перехода (Smith et al., 2025).

Библиография

- Белашева, И.В., & Ермаков, П.Н. (2024). Эмоционально-личностные детерминанты субъективного благополучия военнослужащих, участвовавших в боевых действиях. *Сибирский психологический журнал*, 93, 37–60. <https://doi.org/10.17223/17267080/93/3>
- Горностаев, С.В., & Журавлёв, А.Л. (2025). Научная проблематизация практики профессиональной психологической помощи ветеранам боевых действий. *Психологический журнал*, 46(4), 14–24. <https://doi.org/10.31857/S0205959225040026>
- Караяни, А.Г., & Проценко, С.А. (2026). «Не вернувшиеся с войны». Феномен хронизации боевого Я у ветеранов боевых действий. *Экстремальная психология и безопасность личности*, 3(1), 210–224. <https://doi.org/10.17759/epps.2026030111>
- Корытова, Г.С. (2007). Модификация психодиагностической методики «Многомерная шкала восприятия социальной поддержки». *Современные наукоёмкие технологии*, 3, 77–80.
- Крюкова, Т.Л., & Куфтяк, Е.В. (2007). Опросник способов совладания: адаптация методики WCQ. *Журнал практического психолога*, 3, 93–112.
- Лазебная, Е.О., & Зелёнова, М.Е. (1999). Военно-травматический стресс: особенности посттравматической адаптации участников боевых действий. *Психологический журнал*, 20(5), 62–74.
- Маклаков, А. Г., & Чермянин, С. В. (2001). Многоуровневый личностный опросник «Адаптивность» (МЛЮ-АМ). В Д. Я. Райгородский (Ред.), *Практическая психодиагностика. Методики и тесты* (с. 549–558). Бахрах-М.
- Падун, М.А., & Котельникова, А.В. (2008). Модификация методики исследования базисных убеждений личности Р. Янофф-Бульман. *Психологический журнал*, 29(4), 98–106.
- Проценко, С.А., & Цаплин, Е.В. (2024). Проблемы адаптации ветеранов специальной военной операции к гражданской жизни. *Личность: ресурсы и потенциал*, 4, 9–16.
- Тарабрина, Н.В. (2001). *Практикум по психологии посттравматического стресса*. Питер.
- Шварцер, Р., Ерусалем, М., & Ромек, В.Г. (1996). Русская версия шкалы общей самоэффективности Р. Шварцера и М. Ерусалема. *Иностранная психология*, 7, 71–77.
- Cohen, S., & Wills, T.A. (1985). Stress, social support, and the buffering hypothesis. *Psychological Bulletin*, 98(2), 310–357. <https://doi.org/10.1037/0033-2909.98.2.310>
- Demers, A. (2011). When veterans return: The role of community in reintegration. *Journal of Loss and Trauma*, 16(2), 160–179. <https://doi.org/10.1080/15325024.2010.519281>
- Drebing, C.E., Reilly, E., Henze, K.T., Kelly, M., Russo, A. et al. (2018). Using peer support groups to enhance community integration of veterans in transition. *Psychological Services*, 15(2), 135–145. <https://doi.org/10.1037/ser0000178>

- Elnitsky, C.A., Fisher, M.P., & Blevins, C.L. (2017). Military service member and veteran reintegration: A conceptual analysis, unified definition, and key domains. *Frontiers in Psychology*, 8, 369. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2017.00369>
- Flack, M., & Kite, L. (2021). Transition from military to civilian: Identity, social connectedness, and veteran wellbeing. *PLOS ONE*, 16(12), e0261634. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0261634>
- Grimell, J. (2024). You can take a person out of the military, but you can't take the military out of the person: Findings from a ten-year identity study on transition from military to civilian life. *Frontiers in Sociology*, 9, 1406710. <https://doi.org/10.3389/fsoc.2024.1406710>
- Hutcheon, D., Rendall, J., McMillan, C., et al. (2025). The health and wellbeing outcomes of employment and vocational-based interventions for veterans: A scoping review. *Journal of Veterans Studies*, 11(1), 95–111. <https://doi.org/10.21061/jvs.v11i1.638>
- Kuhn, M.H., McPartland, T.S. (1954). An empirical investigation of self-attitudes. *American Sociological Review*, 19(1), 68–76. <https://doi.org/10.2307/2088175>
- Long, J.S., & Ervin, L.H. (2000). Using heteroscedasticity consistent standard errors in the linear regression model. *The American Statistician*, 54(3), 217–224. <https://doi.org/10.1080/00031305.2000.10474549>
- Mercier, J.-M., Hosseiny, F., Rodrigues, S., Friio, A., Brémault-Phillips, S. et al. (2023). Peer support activities for veterans, serving members, and their families: Results of a scoping review. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 20(4), 3628. <https://doi.org/10.3390/ijerph20043628>
- Rogers, C.R., & Dymond, R.F. (1954). *Psychotherapy and Personality Change*. University of Chicago Press.
- Sayer, N.A., Noorbaloochi, S., Frazier, P., Carlson, K., Gravely, A., & Murdoch, M. (2010). Reintegration problems and treatment interests among Iraq and Afghanistan combat veterans receiving Department of Veterans Affairs medical care. *Psychiatric Services*, 61(6), 589–597. <https://doi.org/10.1176/ps.2010.61.6.589>
- Smith, A., Rafferty, L., Croak, B., Greenberg, N., Khan, R. et al. (2025). A systematic review of military-to-civilian transition: The role of gender. *PLOS ONE*, 20(2), e0316448. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0316448>
- Steffens, N.K., La Rue, C.J., Haslam, C., et al. (2021). Social identification-building interventions to improve health: A systematic review and meta-analysis. *Health Psychology Review*, 15(1), 85–112. <https://doi.org/10.1080/17437199.2019.1669481>
- Ware, J.E., & Sherbourne, C.D. (1992). The MOS 36-item Short-Form Health Survey (SF-36): Conceptual framework and item selection. *Medical Care*, 30(6), 473–483.
- Zimet, G.D., Dahlem, N.W., Zimet, S.G., & Farley, G.K. (1988). The Multidimensional Scale of Perceived Social Support. *Journal of Personality Assessment*, 52(1), 30–41. https://doi.org/10.1207/s15327752jpa5201_2

Поступила в редакцию: 01.08.26

Принята к публикации: 20.09.26